

ЖЕНЩИНЫ И ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ

МАРИНА ЛЕБЕДЕВА

СВЕТЛАНА СТОЛЯРОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

После распада СССР бывшие союзные республики стали вырабатывать собственные стратегии развития и выдвинули новые приоритетные направления внутренней политики. Особый научный интерес в этой связи представляет сравнительный анализ политических курсов центральноазиатских стран в области обеспечения прав и свобод женщин. Рассмотрению государственных мер по расширению участия женщин в политической жизни общества, проводимых в странах Центральной Азии, и посвящена настоящая статья. На основе анализа нормативно-правовой базы, а также оценки степени разработанности гендерной статистики и гендерно-ориентированного бюджетирования выделены примеры позитивного и негативного опыта в расширении политических возможностей женщин государств региона. В частности, авторы обращают внимание на такой ещё не получивший широкого распространения инструмент гендерной политики, как гендерное квотирование, который первыми из пяти стран внедрики Киргизия и Узбекистан. Указываются сложности перехода к данной практике, в частности существование легальных путей для обхода квот. Отмечается прогресс Казахстана в области сбора дифференцированной по полу статистики, которая соответствует критериям доступности, открытости и полноты. Авторы подчёркивают, что повышение репрезентативности данных облегчает выработку практических мер по устранению неравенства в политической жизни. В статье отмечается отход некоторых стран региона от выделения гендерной политики в качестве самостоятельного направления, что смещает фокус с преодоления гендерного разрыва на решение более широкого комплекса задач социальной политики. В статье показано, что рассматриваемые страны в целом проводят консервативную гендерную политику. Делается вывод о том, что для России открывается возможность выступить в качестве государства, задающего направление развития в рассматриваемой сфере, в том числе путём применения гендерно-чувствительного подхода при оказании помощи в целях развития странам Центральной Азии.

Ключевые слова:

Центральная Азия; политика гендерного равенства; политическое представительство; женщина в политике.

В СССР, несмотря на декларацию гендерного равенства и наличие квот для женщин в структурах власти, отношение к гендерным вопросам было скорее ироничным. В то же время отдельные советские примеры показательны. В частности, А.М. Кол-

лонтай была одной из первых в мире женщиной-министром, а также одной из первых женщин-послов.

Что касается научного осмысления, то гендерные отношения изучались в Советском Союзе мало, а сам термин «гендер»

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.11.2019

Дата принятия к публикации: 07.01.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: Mmlebedeva@gmail.com

был практически неизвестен. Тем не менее в СССР проводились значимые исследования о положении и роли женщин в исторической науке, где одним из основоположников стала Л.Н. Пушкарёва [Пушкарёва 1989], а также работы в экономике, социологии и ряде других наук. В постсоветской России гендерные исследования получили большее развитие. Появилось немало работ по проблемам гендера в различных научных областях, например в психологии и лингвистике [Милованова, Максимова 2011], в том числе и учебная литература [Введение в гендерные... 2001].

Однако в политологии и в области международных отношений женщина в Советском Союзе оставалась, скорее, «невидимкой» [Алексеева, Лебедева 2006: 8]. В современной России ситуация в политических исследованиях улучшилась. Появляется всё больше работ, посвящённых различным политическим аспектам гендерной проблематики в тех или иных странах (см., например, [Шведова 2007; 2016]).

Вместе с тем в отечественном академическом поле сохраняется дефицит изучения гендерной политики на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе. После распада СССР бывшие союзные республики выбрали различные траектории развития, что позволяет проследить многообразие вариантов эволюции гендерной политики. Их исследование, с одной стороны, поможет понять внешнюю и внутреннюю политику постсоветских государств, поскольку в данной области отражаются политические установки и подходы национальных правительств. С другой — оно будет способствовать выявлению общих и специфических черт политического развития различных частей постсоветского пространства.

Большой интерес представляет сравнительный анализ гендерной политики центральноазиатских стран. Географические границы региона определяются по-разно-

му. В советский период территория четырёх республик (Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) обозначалась как Средняя Азия. До сих пор это понятие часто используется в научной литературе. Словосочетание «Центральная Азия» применительно к пяти странам предложил использовать Казахстан на их саммите в 1992 году. В то же время нередко границы Центральноазиатского региона понимаются расширительно и включают в себя Афганистан, Монголию и часть Китая. В настоящей статье понятие «Центральная Азия» будет использоваться применительно к пяти бывшим советским республикам.

Причин для проведения анализа гендерной политики государств Центральной Азии, которые имеют непосредственное отношение к России, несколько. *Во-первых*, в конфессиональном отношении государства Центральной Азии относятся к мусульманским. Ислам широко распространён и в России: по числу последователей это вторая религия в стране¹. Религиозные представления вносят вклад в понимание роли и места женщины в обществе. *Во-вторых*, страны Центральной Азии ранее составляли с Россией единое государство, а сегодня они — её ближайшие соседи. Развитые цивилизации, в прошлом существовавшие на территории региона, были тесно связаны с ней. *В-третьих*, Россия и центральноазиатские государства активно сотрудничают. Ряд из них совместно с Москвой входит в такие международные объединения, как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств. Наконец, *в-четвёртых*, регион в силу своего географического положения, природных ресурсов, ряда логистических проектов всё больше привлекает внимание внешних игроков — США, стран Европейского Союза, Китая, Турции, Ирана, Пакистана. Россия, будучи в кон-

¹ Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe Diversity. 2017. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/> (дата обращения: 03.11.2019).

курентных отношениях с этими странами, стремится занять наиболее выгодные позиции в Центральной Азии. Соответственно, и исследователи всё чаще обращают внимание на этот регион. В силу вышесказанного следует с особым вниманием отнестись к его изучению, в том числе и гендерных аспектов в политических системах этих стран.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в выявлении того, существует ли гендерное неравенство в системах политической власти стран Центральной Азии, и если да, то в какой степени оно проявляется и какие общие черты и особенности можно выделить при рассмотрении гендерной политики, проводимой в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении? Дополнительный вопрос, ориентированный на практику, авторы формулируют так: как можно использовать положительный и негативный опыт центральноазиатских стран при проведении мер, направленных на расширение политических возможностей женщин в России?

Тематический фокус этого круга исследований вписывается в сферу интересов представителей реалистского подхода в теории международных отношений и позволяет оценить интересы государств в данной области. При этом в работе анализируется, через какие институты, в какой степени и каким образом женщины включаются в политику государства. Для этих целей используется институциональный подход. Подобное сочетание различных теоретических подходов допустимо в эмпирических исследованиях и основано на идеях Р. Сил и П. Катценштайна, которые обосновали правомерность аналитического эклектизма для проведения прикладных исследований в области международных отношений и мировой политики [Sil, Katzenstein 2010].

Для анализа использовалась нормативно-правовая база государств Центральной Азии и России, включающая в себя международно-правовые механизмы, направленные на защиту и расширение прав и свобод женщин, и нормативно-правовые акты в сфере защиты прав женщин, принятые в этих странах. Кроме того, использовались статистические данные: об участии женщин в парламентах и других органах власти; уровень финансирования и применения гендерно-ориентированного бюджетирования; полнота и доступность гендерной статистики.

1

Оценить эффективность системы мониторинга неравенства можно на основании статистических данных. Среди основных международных документов, содержащих рекомендации по сбору гендерной статистики, стоит выделить Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития. В частности, международное сообщество сформулировало конкретные индикаторы по выполнению цели «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»². Кроме того, минимальный набор гендерных показателей утверждён Статистической комиссией Экономического и Социального Совета ООН³. Первый документ рекомендует оценивать привлечение женщин к принятию политических решений исходя из доли мест, которую они занимают в национальных парламентах, местных органах власти, и доли женщин на руководящих должностях в стране. В перечень комиссии ЭКОСОС, помимо перечисленных выше, включены показатели: доля женщин на государственных министерских должностях, среди офицеров полиции и среди судей.

² Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2018). URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

³ Гендерная статистика ЭКОСОС (2013). URL: <https://undocs.org/ru/ECN.3/2013/10> (дата обращения: 04.11.2019).

Таблица 1

Включение индикаторов участия женщин в принятии решений в национальные сборники гендерной статистики

Индикаторы участия женщин в принятии решений	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан
1. Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах	+	+	+	N/A	—
2. Доля мест, занимаемых женщинами в местных органах власти	+	+	+	N/A	—
3. Доля женщин на руководящих должностях	+	+	+	N/A	—
4. Доля женщин на государственных министерских должностях	+	—	—	N/A	—
5. Доля женщин среди офицеров полиции	—	—	—	N/A	—
6. Доля женщин среди судей	+	—	—	N/A	—

Источник: составлено авторами на основе национальных сборников гендерной статистики⁴.

В зависимости от того, насколько национальная система сбора статистики соответствует этим рекомендациям и от того, какие проблемные темы отражены в национальных статистических сборниках, можно сделать выводы о значении гендерных вопросов во внутренней политике и о репрезентативности данных по обеспечению прав женщин в политике.

Все рассматриваемые страны публикуют статистические отчёты о положении женщин. Большинство государств Центральной Азии делает это ежегодно или раз в два года. Тем не менее в Туркменистане соответствующие данные находятся в закрытом доступе, а Таджикистан не предоставляет актуальные данные, что затрудняет анализ. В этих случаях важно обеспечить доступность, открытость, полноту и точность ключевых дифференцированных по полу индикаторов. Более того, страны, регулярно публикующие гендерную статистику,

собирают данные не по всем индикаторам участия женщин в принятии решений, что ещё более осложняет международные сопоставления (табл. 1). Помимо прочего, недостаток статистических данных осложняет выработку плана действий для устранения неравенства в политической жизни.

Отдельно стоит отметить опыт Казахстана. Ежегодный статистический сборник «Женщины и мужчины Казахстана» не только предоставляет количественную информацию по большинству основных индикаторов, включённых в Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития, и минимальный набор гендерных показателей Статистической комиссии ЭКОСОС, но и даёт гендерную разбивку по другим статистическим данным (например, «численность государственных служащих», «характеристика состава политических партий по полу»)⁵.

⁴ Женщины и мужчины Казахстана. (2018). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/publicationsCompilations?lang=ru&_adf.ctrl-state=br452pefu_4&_afzLoop=715752169802623#%40%3F_afzLoop%3D715752169802623%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3D14ah95a9tr_4 (дата обращения: 04.11.2019); Женщины и мужчины Кыргызской Республики (2018). URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/20232a59-bc04-4b2f-b8da-5220d4afbecc.pdf> (дата обращения: 04.11.2019); Мужчины и женщины Узбекистана. URL: <http://docplayer.ru/60104623-Muzhchiny-i-zhenshchiny-respubliki-tadzhikistan.html> gender.stat.uz (дата обращения: 04.11.2018); Женщины и мужчины Республики Таджикистан. (2014). URL: http://oldstat.www.tj/ru/img/d976061967cd7672af7e083fead26bda_1420539196.pdf (дата обращения: 09.11.2019).

⁵ Женщины и мужчины Казахстана. (2018). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/publicationsCompilations?lang=ru&_adf.ctrl-state=br452pefu_4&_afzLoop=715752169802623#%40%3F_afzLoop%3D715752169802623%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3D14ah95a9tr_4 (дата обращения: 04.11.2019).

2

Значения Индекса гендерного неравенства ООН⁶ в 2019 г. для стран Центральной Азии колебались от 0,20 в Казахстане до 0,38 в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (рис. 1)⁷. Это означает, что от 20 до 38% потенциала женщин в этих государствах не используется. Данный показатель отражает наличие высокого разрыва между правами и возможностями представителей различных полов. Если в Казахстане значение индекса примерно сопоставимо со средним по региону «Европа и Центральная Азия» (0,28), то в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане неравенство женщин и мужчин выше среднерегионального [Human Development Report 2019].

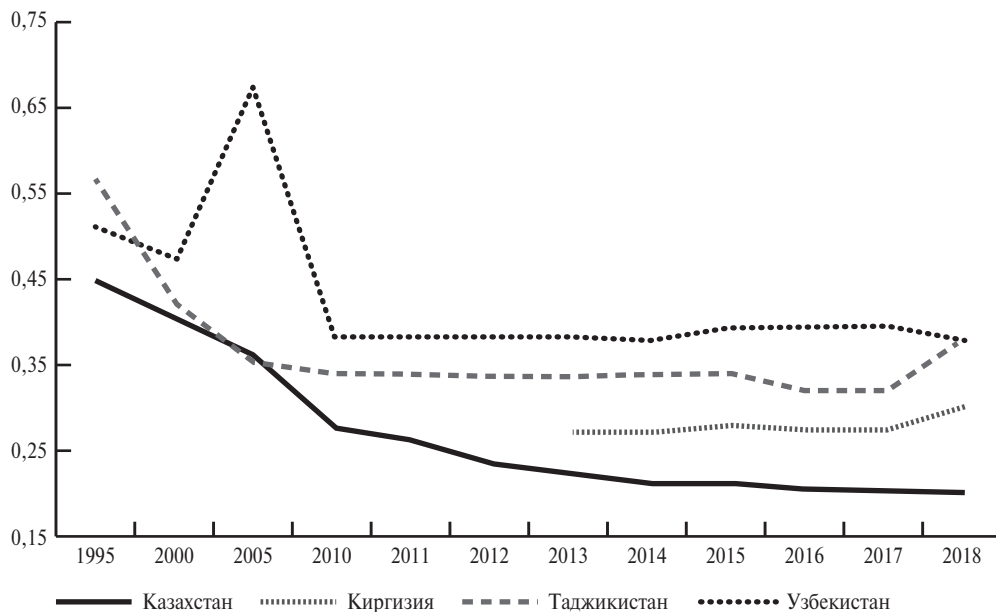
Один из основных показателей, применяемых для расчёта Индекса, — процент

женщин среди парламентариев страны. В настоящее время в законодательных органах центральноазиатских государств доля женщин, несколько выросшая с 1995 года, не превышает 25%, а в среднем составляет 20,5% (рис. 2). Более того, на политической арене рассматриваемых государств в целом преобладают мужчины. В Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркмении лишь по одной женщине входит в состав национальных правительств, в Киргизии — таковых три. За редким исключением, они занимают позиции, связанные со сферой социального обеспечения — это министры культуры и спорта, труда и социальной защиты, просвещения и образования.

При этом все страны Центральной Азии признают значимость поддержки участия

Рисунок 1

Индекс гендерного неравенства в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (1995–2018)

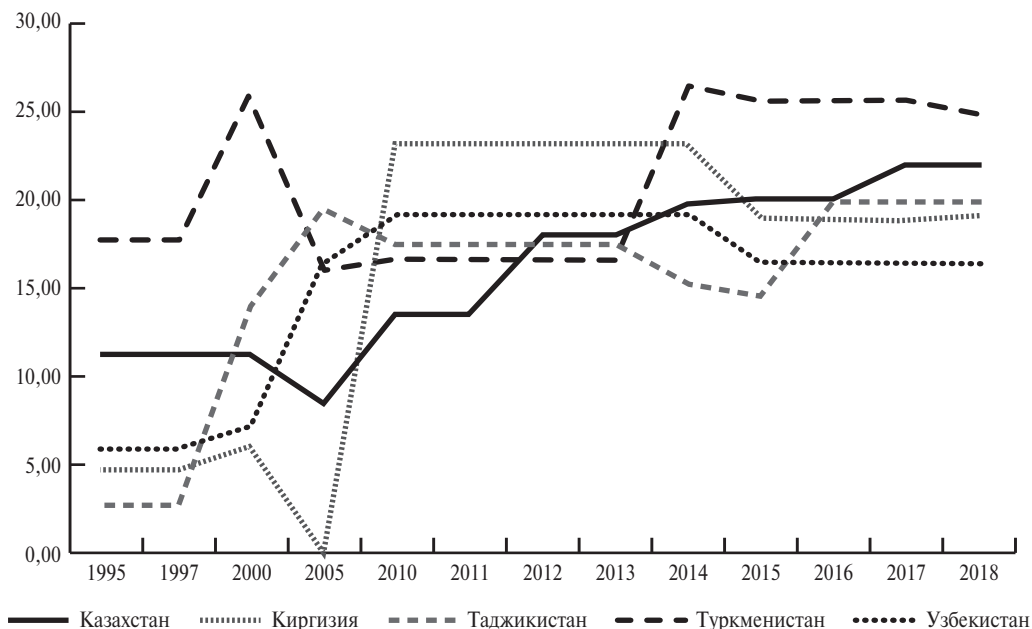

Источник: составлено авторами на основе данных UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf; <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

⁶ Индекс, разработанный в 2010 г. и ежегодно публикуемый в Докладе о человеческом развитии ПРООН, используется для оценки неравенства между мужчинами и женщинами и учитывает уровень репродуктивного здоровья, права и возможности женщин в политической жизни и на рынке труда.

⁷ Данные по Туркменистану отсутствуют.

Рисунок 2
Доля женщин в парламентах стран Центральной Азии в 1995–2018 годах (%)

Источник: составлено авторами на основе данных UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf; <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

женщин в политической сфере. Косвенное свидетельство тому — присоединение государств региона к основным международно-правовым механизмам, направленным на обеспечение равноправного участия женщин в процессе выработки политических решений: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года⁸, Пекинская декларация и платформа действий⁹, а также Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Факультативный протокол к Конвенции не ратифицировал только Узбекистан)¹⁰. Таким образом, страны декларируют приверженность цели вовлечения женщин в полити-

ческую жизнь, готовность участвовать в международном сотрудничестве по обозначенному направлению и принимать меры на национальном уровне. Однако лишь часть центральноазиатских государств действительно совершенствует законодательство и делает практические шаги на пути к большему политическому равенству в политике.

З

Если судить по наличию комплексного подхода к преодолению разрыва в правах женщин и мужчин, то региональными лидерами выступают Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Эти страны разработали и

⁸ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 03.11.2019).

⁹ Fourth World Conference on Women. Beijing Declaration. 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁰ Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. 1979. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 04.11.2019).

утвердили национальные стратегии¹¹, определяющие приоритетные направления государственной политики в отношении проблемы гендерного неравенства. Они также имеют проработанную нормативно-правовую базу в данной области. В 2010-х годах активизировалась гендерная политика в Туркменистане. В стране утверждён Национальный план действий по гендерному равенству на 2015–2020 годы, принят закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин». Несколько отличается ситуация в Узбекистане, где нет стратегического документа в области гендерной политики, а уровень законодательной активности в данной сфере низок.

В отдельных странах можно зафиксировать тенденцию к включению гендерных вопросов в более широкий контекст социальной политики. Например, новая гендерная стратегия Казахстана предполагает объединение семейной политики и вопросов, касающихся расширения прав женщин [Реализация гендерной политики в Казахстане 2017]. Между тем Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рекомендует сохранять чёткое разделение этих двух областей. Включение гендерной политики в семейную не уделяет должного внимания обеспечению прав всех женщин. Она также косвенно способствует формированию стереотипов об ограничении их социального призвания материнской и супружеской ролями. При этом семейная политика может выступать одним из инструментов расширения прав женщин.

Для некоторых государств региона в проведении гендерной политики характерно возвращение к квотированию для увеличе-

ния доли женщин во власти. Действовавшие до 1991 г. 30%-ные квоты частично восстановлены в Узбекистане и Киргизии. В последней конституционный закон о выборах предусматривает, что партии, принимающие участие в парламентских выборах, должны предоставлять избирательные списки, в которых доля кандидатов одного пола не превышает 70%¹². На практике после победы на выборах многие политические силы вносят изменения в их состав без учёта гендерной квоты, что киргизская Центральная избирательная комиссия не запрещает [Гендер и политика в Центральной Азии 2012].

Аналогичная картина наблюдается в Узбекистане. Согласно законодательным нормам, не менее 30% кандидатов в депутатский корпус нижней палаты парламента должны быть женщинами, но среди избранных парламентариев их гораздо меньше. По-видимому, это объясняется тем, что партии включают в списки кандидатов, не имеющих перспектив быть избранными.

О значимости борьбы с неравенством можно судить также по применению гендерного бюджетирования. Гендерное бюджетирование — это подход к осуществлению фискальной политики, направленный на расширение возможностей женщин в таких сферах, как образование, здравоохранение, рынок труда. Оно предполагает учёт гендерной проблематики на всех этапах бюджетного процесса: от планирования до внедрения и оценки. В зависимости от того, применяется такого рода бюджетирование или нет, можно сделать вывод — носит ли гендерная политика исключительно декларативный характер или же нацелена на достижение практических результатов. Его внедрение поддер-

¹¹ Концепция семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года. 2016. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/U1600000384> (дата обращения: 04.01.2020); Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2020 года. 2012. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12728?cl=ru-ru> (дата обращения: 04.01.2020); Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011–2020 годы. 2011. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15497&conttype=2 (дата обращения: 04.01.2020).

¹² Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». 2011. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203244?cl=ru-ru> (дата обращения: 04.01.2020).

живает ряд международных организаций, среди которых объединение «ООН-Женщины», Секретариат Содружества Наций, Мировой банк.

Применительно к политическим правам женщин гендерное бюджетирование представляется значимым в контексте обеспечения их доступа к обучению. Получение образования, в особенности высшего, позволяет приобрести компетенции, необходимые для участия в политическом процессе, а также повышает социальный статус индивида в глазах политически активной части общества.

Среди стран Центральной Азии лидирующую позицию во внедрении гендерного бюджетирования занимает Казахстан. В этой стране в 2000-х годах Национальная комиссия по делам семьи и гендерной политике совместно с ЮНИФЕМ и Министерством экономики запустила соответствующий проект¹³. Более того, в его реализацию включились и общественные организации Казахстана¹⁴. Прочие центральноазиатские страны не принимали конкретных мер по проведению гендерного бюджетирования. Тем не менее в Таджикистане и Узбекистане проводились семинары по данному вопросу, что свидетельствует о потенциальном интересе к нему властей и обществ указанных государств [IMF Working Paper 2016].

* * *

После распада СССР центральноазиатские страны стали следовать самостоятельному курсу в вопросах гендерной политики, в том числе в сфере политической эмансипации женщин. Опираясь на количественные показатели, можно констатировать, что они добились улучшений в данной сфере, хотя представленность женщин в парламентах и на министерских должностях остаётся низкой. Кроме того, в четырёх из пяти стран Центральной Азии на-

блюдается значительный разрыв между правами и возможностями женщин и мужчин по сравнению со средними данными по региону «Европа и Центральная Азия». В Казахстане сложилась более благоприятная ситуация, чем в других рассматриваемых странах.

Оценивая гендерную политику Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, можно выделить ряд общих черт.

Во-первых, все страны присоединились к международно-правовым механизмам в сфере гендерного равенства. Следовательно, как минимум на декларативном уровне, есть общее понимание необходимости расширения прав и возможностей женщин: в частности, ликвидации их дискриминации в политической и общественной жизни страны и обеспечения их права участвовать в формулировании политики и занимать высшие должностные посты, а также работать на всех уровнях государственного управления.

Во-вторых, большинство рассмотренных стран приняли и начали осуществлять национальные стратегии, направленные на соблюдение прав и интересов женщин, в том числе в политической сфере, а также в той или иной степени совершенствуют законодательство. Вместе с тем на примере стратегии гендерного развития в Казахстане мы зафиксировали тенденцию отхода от выделения гендерной политики в качестве самостоятельного направления, в результате с преодоления гендерного разрыва фокус смещается на решение более широкого комплекса задач социальной политики.

В-третьих, все центральноазиатские страны признают значимую роль гендерной статистики, публикуют статистические отчёты о положении женщин. Тем не менее ни одна из них не предоставляет данные по всем основным индикаторам, включён-

¹³ Гендерная политика Республики Казахстан. (2018). URL: <https://www.zakon.kz/4912754-gendernaya-politika-respubliki-kazahstan.html> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁴ Kazakhstan Implements Millennium Development Goals. (2014). URL: <https://astanatimes.com/2014/12/kazakhstan-implements-millennium-development-goals/> (дата обращения: 04.11.2019).

ным в Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и в набор гендерных показателей Статистической комиссии ЭКОСОС. Это затрудняет межстрановое сопоставление политического участия женщин. Отсутствие официальных статистических данных мы рассматриваем как попытку представить статистику по своей стране в более благоприятном виде, чем она есть на самом деле. Прогресс в области сбора статистики, дифференцированной по полу, которая соответствует критериям доступности, открытости и полноты, наблюдается в Казахстане. Повышение репрезентативности данных облегчит выработку практических мер для устранения гендерного неравенства в политической жизни.

В-четвёртых, в целом, несмотря на отдельные попытки, до сих пор не получил широкого распространения механизм гендерного бюджетирования, который мог бы косвенно повлиять на расширение возможностей женщин в политике.

В-пятых, в качестве характерного для постсоветского пространства инструмента политики необходимо отметить гендерное квотирование. Две страны — Киргизия и Узбекистан — ввели гендерные квоты в избирательных списках. Тем не менее, учитывая сложности в имплементации этой меры (в частности, существование легальных путей обхода квот), сложно оценить эффективность данного инструмента.

Государства региона проводят консервативную гендерную политику, не склонны к внедрению передовой практики гендерного бюджетирования и к сбору полной ген-

дерной статистики. Ликвидация дискриминации в отношении женщин в политике стран Центральной Азии внесёт вклад не только в укрепление социальной справедливости, но и в устойчивость общественного развития. Она позволит полнее использовать потенциал женщин, а политические решения будут отражать как мужской, так и женский социальный опыт и учитывать гендерные последствия принимаемых шагов [Шведова 2015: 18]. При наличии политической воли существенно увеличить представленность женщин во власти в центральноазиатских странах можно путём расширения их доступа к высшему образованию, а также посредством введения гендерных квот, обеспечивающих увеличение доли женщин в партийных структурах и парламентах данных государств.

России важно учитывать негативный и позитивный опыт центральноазиатских стран при проведении собственной гендерной политики. Кроме того, Москва могла бы выступить в качестве лидера, задающего вектор развития в данной области. Речь идёт о применении гендерно-чувствительного подхода при оказании помощи в целях развития в том числе странам Центральной Азии. Важным представляется стимулировать развитие гендерного равенства в совместных международных структурах, в которые наряду с Россией входят центральноазиатские государства, в частности в ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, имея в виду, что в этих государствах проявляется тенденция к более активному вовлечению женщин в политику.

Список литературы

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России. Предисловие к русскому изданию // Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006. С. 7–22.
- Введение в гендерные исследования. Ч.1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
- Гендер и политика в Центральной Азии. 2012. URL: <http://www.osce-academy.net/upload/CADGAT/CADGAT6Rus.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).
- Милванова М.В., Максимова В.Е. Гендерные стереотипы и средства их выражения в речи молодёжи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 174–178.
- Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 288 с.

- Реализация гендерной политики в Казахстане. 2017. URL: http://www.oecd.org/gov/Russian_Gender_Kaz.pdf (дата обращения: 03.11.2019).
- Шведова Н.А. Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. С. 22–53.
- Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 21–30.
- Шведова Н.А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4. С. 17–30.
- Human Development Report 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-report> (дата обращения: 03.01.2020).
- IMF Working Paper: Middle East and Central Asia: A Survey of Gender Budgeting Efforts. 2016. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16151.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).
- Sil R., Katzenstein P.J. Beyond paradigms: analytic eclecticism in the study of world politics/ Palgrave Macmillan, 2010. 262 p.

PARTICIPATION OF WOMEN IN POLITICAL INSTITUTIONS OF POST-SOVIET COUNTRIES *EXPERIENCE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES*

MARINA LEBEDEVA

SVETLANA STOLYAROVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

After the disintegration of the USSR, the Central Asian countries started to pursue independent development strategies and identified new domestic policy priorities. It is of special scholarly interest to compare the efforts by Central Asian governments to improve female representation in politics. The article is devoted to the consideration of state policies and measures aimed at increasing the participation of women in political institutions in Central Asia. The most and the least effective strategies for women's political empowerment were highlighted based on the analysis of the regulatory framework in the field of women's empowerment, as well as on the degree of application of gender statistics and gender budgeting. In particular, the authors address the matter of electoral gender quotas, which are already introduced by Kyrgyzstan and Uzbekistan. It is stressed that the adoption of this policy tool in the two counties has had its limitations, taking into consideration the existence of legal ways to circumvent the gender-quota requirements. The authors also indicate Kazakhstan's progress in collecting gender data that is "open, accessible, comparable, free and understandable". Improving data quality and representativeness facilitates the development of practical steps to achieve gender equality in politics. At the same time, the authors point out a negative trend in the region: some countries are gradually moving away from having a distinct strategy pertaining to gender issues. Such approach may shift the focus from closing the gender gap to solving a wider range of social policy issues. The article shows that in general the countries in question implement a conservative gender policy and are not inclined to fully effect such practices as gender budgeting and the collection of relevant and complete gender statistics. It is concluded that Russia has an opportunity to act as a trendsetter, in particular by applying a gender-sensitive approach in providing development assistance to the countries of Central Asia.

Keywords:

Central Asia; women in politics; political participation; public policy; gender equality policy.

References

- Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. (2006). "Zhenshchina-nevidimka" v mirovoj politike: uroki dlya Rossii. Predislovie k russkomu izdaniyu ["Invisible woman" in world politics: lessons for Russia. Preface to the Russian edition]. Moscow: *Kul'turnaya revoliutsiya*. P. 7–22.
- IMF (2016). Working Paper: Middle East and Central Asia: A Survey of Gender Budgeting Efforts. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16151.pdf> (accessed: 04.11.2019).
- Milovanova M.V., Maksimova, V.E. (2011). Gendernye stereotipy i sredstva ih vyrazheniia v rechi molodezhi [Gender stereotypes and language means of their representation in youth's speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. No. 2 (14). P. 174–178.
- OSCE. (2012). Gender and politics in Central Asia. URL: <http://www.osce-academy.net/upload/CADGAT/CADGAT6Rus.pdf> (accessed: 03.11.2019).
- Pushkaryova N.L. (1989). *Zhenshchiny Drevnej Rusi* [Women of ancient Rus]. Moscow: Mysl'. 288 p.
- Shvedova N.A. (2007). Zhenshchiny v SShA: mekhanizm gendernogo ravenstva [Women in the USA: the mechanism of gender equality]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 4. P. 22–53.
- Shvedova N.A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaia gendernaia politika [Human capital development and gender equality: smart gender politics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 3–4. P. 17–30.
- Shvedova N.A. (2016) Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo [Political parties and gender equality]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 4. P. 21–30.
- Sil R., Katzenstein P.J. (2010) *Beyond paradigms: analytic eclecticism in the study of world politics*. Palgrave Macmillan. 262 p.
- UNDP. (2019). Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-report> (accessed: 03.01.2020).
- Zherebkina I.A. (2001). *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch.1.* [Introduction to gender studies. Part 1]. Saint Petersburg: Aleteya. 708 p.